

Майсара Ж. Бекмагамбетова^{*} , Руслан К. Бекмагамбетов , Гаухар З. Балгабаева

Костанайский региональный университет имени А. Байтұрсынұлы, Костанай, Казахстан
(*Автор-корреспондент. E-mail: maisara75@mail.ru)

От выборности к административному контролю: реализация Степного положения 1891 г. в Тургайской области

В статье рассматриваются особенности реализации «Положения об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями» 1891 г. на территории Тургайской области через призму трансформации института волостного управления и избирательной практики волостных управителей. Исследование посвящено анализу механизмов внедрения новой административной модели Российской империи, направленной на усиление государственного контроля над системой местного управления в казахской степи в конце XIX века. Анализируются изменения, произошедшие после введения Степного положения 1891 г., обращено внимание на порядок проведения выборов волостных управителей, расширение полномочий уездной администрации, усиление административного надзора за деятельностью выборных должностных лиц и формирование новых механизмов контроля за кадровым составом местного управления. Особое внимание уделяется решениям Общего присутствия Тургайского областного правления, выработанным по итогам первых выборов, проведенных в соответствии с новым законодательством. В статье показано, что первые годы реализации Степного положения сопровождались значительными организационными трудностями. Анализ обсуждений, состоявшихся на заседаниях областного правления, позволил выявить основные проблемы практического применения нового законодательства: несовершенство избирательных процедур, партийную борьбу внутри волостей, случаи подкупа избирателей, вмешательство представителей администрации в ход выборов, многочисленные жалобы на нарушения и отсутствие единых административных механизмов организации избирательного процесса. Установлено, что областные власти стремились не только устранить выявленные недостатки, но и создать унифицированную систему управления, предусматривавшую единые инструкции для волостных управителей, стандартизацию избирательной документации, учет судимости кандидатов и расширение возможностей назначения должностных лиц без проведения выборов. Делается вывод о том, что реализация Степного положения 1891 г. в Тургайской области стала важным этапом институциональной перестройки местного управления. Несмотря на формальное сохранение принципа выборности волостных управителей, содержание реформы свидетельствовало о последовательном ограничении элементов местного самоуправления и усилении административного контроля со стороны имперской власти. Проведенное исследование позволяет уточнить механизмы практического внедрения колониальной административной политики на региональном уровне и показывает, каким образом законодательные изменения трансформировались в реальные управленческие практики. Полученные результаты расширяют современные представления о процессах административной унификации Казахской степи и позволяют конкретизировать особенности функционирования имперских институтов власти в конце XIX века.

Ключевые слова: Степное положение 1891 г., Тургайская область, Российская империя, волостной управитель, волостное управление, выборы, административная политика, местное управление, колониальная политика, административный контроль, имперские реформы, Казахская степь.

Майсара Ж. Бекмагамбетова, Руслан К. Бекмагамбетов, Гаухар З. Балгабаева

А. Байтұрсынұлы атындағы Қостанай өңірлік университеті, Қостанай, Қазақстан

Сайлаудан әкімшілік бақылауға дейін: 1891 ж. Далалық ереженің Торғай облысында іске асырылуы

Мақалада 1891-жылғы Акмола, Семей, Жетісу, Орал және Торғай облыстарын басқару туралы Ереженің Торғай облысы аумағында жүзеге асырылу ерекшеліктері болыстық басқару институтының трансформациясы және болыс басқарушыларын сайлау тәжірибесі тұрғысынан қарастырылады. Зерттеу XIX ғасырдың соңында Қазақ даласындағы жергілікті басқару жүйесіне мемлекеттік бақылауды күшейтуге бағытталған Ресей империясының жаңа әкімшілік моделін енгізу тетіктерін талдауға арналған. 1891-жылғы Далалық ереже енгізілгеннен кейін орын алған өзгерістер талданып,

болыс басқарушыларын сайлау тәртібіне, уездік әкімшіліктің өкілеттіктерінің кеңеюіне, сайланбалы лауазымды тұлғалардың қызметіне әкімшілік бақылаудың күшеюіне және жергілікті басқарудың кадрлық құрамын бақылаудың жаңа тетіктерінің қалыптасуына ерекше назар аударылады. Жаңа заңнамаға сәйкес өткізілген алғашқы сайлаудың қорытындысы бойынша Торғай облыстық басқармасының Жалпы мәжілісі қабылдаған шешімдерге айрықша мән берілген. Мақалада Далалық ережені іске асырудың алғашқы жылдары елеулі ұйымдастырушылық қиындықтармен қатар жүргені көрсетілген. Облыстық басқарма отырыстарында өткен талқылауларды талдау жаңа заңнаманы іс жүзінде қолданудың негізгі мәселелерін анықтауға мүмкіндік берді: сайлау рәсімдерінің жетілмегендігі, болыстар ішіндегі партиялық күрес, сайлаушыларды сатып алу жағдайлары, әкімшілік өкілдерінің сайлау барысына араласуы, заң бұзушылықтарға қатысты көптеген шағымдар және сайлау процесін ұйымдастырудың бірыңғай әкімшілік тетіктерінің болмауы. Облыстық билік органдары анықталған кемшіліктерді жоюмен қатар, болыс басқарушыларына арналған бірыңғай нұсқаулықтарды әзірлеуді, сайлау құжаттамасын стандарттауды, кандидаттардың сотталғандығын есепке алуды және сайлау өткізбей-ақ лауазымды тұлғаларды тағайындау мүмкіндіктерін кеңейтуді көздейтін біріздендірілген басқару жүйесін қалыптастыруға ұмтылғаны анықталды. Зерттеу нәтижесінде 1891-жылғы Далалық ереженің Торғай облысында жүзеге асырылуы жергілікті басқаруды институционалдық қайта құрудың маңызды кезеңі болғаны тұжырымдалады. Болыс басқарушыларын сайлау қағидаты формальды түрде сақталғанымен, реформаның мазмұны жергілікті өзін-өзі басқару элементтерінің біртіндеп шектеліп, империялық билік тарапынан әкімшілік бақылаудың күшейгенін көрсетеді. Жүргізілген зерттеу отарлық әкімшілік саясаттың өңірлік деңгейде іс жүзінде енгізілу тетіктерін нақтылауға мүмкіндік береді және заңнамалық өзгерістердің нақты басқару тәжірибесіне қалай трансформацияланғанын көрсетеді. Алынған нәтижелер Қазақ даласын әкімшілік біріздендіру үдерістері туралы қазіргі ғылыми түсініктерді кеңейтіп, XIX ғасырдың соңындағы империялық билік институттарының қызмет ету ерекшеліктерін нақтылауға мүмкіндік береді.

Кілт сөздер: 1891-жылғы Далалық ереже, Торғай облысы, Ресей империясы, болыс басқарушысы, болыстық басқару, сайлау, әкімшілік саясат, жергілікті басқару, отарлық саясат, әкімшілік бақылау, империялық реформалар, Қазақ даласы.

Maisara Zh. Bekmagambetova, Ruslan K. Bekmagambetov, Gaukhar Z. Balgabayeveva

A. Baytursynuly Kostanay Regional University, Kostanay, Kazakhstan

From Elective Principles to Administrative Control: The Implementation of the 1891 Steppe Statute in the Turgay Region

The article examines the implementation of the Regulation on the Administration of the Akmola, Semipalatinsk, Semirechye, Ural, and Turgay Regions of 1891 in the Turgay Region through the transformation of the volost administration institution and the electoral practices of volost rulers. The study analyzes the mechanisms for introducing the new administrative model of the Russian Empire aimed at strengthening state control over the local governance system in the Kazakh Steppe at the end of the nineteenth century. It explores the changes that followed the introduction of the Steppe Regulation of 1891, with particular attention to the procedures for electing volost rulers, the expansion of the powers of district (uezd) administrations, the strengthening of administrative supervision over elected officials, and the establishment of new mechanisms for monitoring the personnel of local government. Special emphasis is placed on the decisions adopted by the General Session of the Turgay Regional Administration following the first elections conducted under the new legislation. The article demonstrates that the initial years of implementing the Steppe Regulation were accompanied by significant organizational challenges. An analysis of the discussions held during the meetings of the regional administration identified the principal problems associated with the practical application of the new legislation, including shortcomings in electoral procedures, factional struggles within the volosts, cases of voter bribery, interference by administrative officials in the electoral process, numerous complaints regarding electoral violations, and the absence of unified administrative mechanisms for organizing elections. The study establishes that the regional authorities sought not only to eliminate these deficiencies but also to create a standardized system of governance through the introduction of unified instructions for volost rulers, the standardization of electoral documentation, the verification of candidates' criminal records, and the expansion of opportunities to appoint local officials without elections. It is concluded that the implementation of the Steppe Regulation of 1891 in the Turgay Region constituted an important stage in the institutional restructuring of local administration. Although the elective principle for volost rulers was formally preserved, the substance of the reform reflected a consistent limitation of local self-government and a strengthening of administrative control by the imperial authorities. The findings clarify the mechanisms through which the colonial administrative policy was implemented at the regional level and demonstrate how legislative changes were transformed into actual administrative practices. The results broaden current scholarly understanding of the administrative unification of the Kazakh Steppe and provide a

more detailed interpretation of the functioning of imperial administrative institutions at the end of the nineteenth century.

Keywords: Steppe Regulation of 1891, Turgay Region, Russian Empire, volost ruler, volost administration, elections, administrative policy, local governance, colonial policy, administrative control, imperial reforms, Kazakh Steppe.

Введение

Принятие 25 марта 1891 года «Положения об управлении Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской, Уральской и Тургайской областями», или «Степного положения», стало новым этапом в административной политике Российской империи в отношении восточных окраин, а именно казахских степей. По мнению Д. Васильева, предыдущий этап ознаменовал начало масштабного внедрения общегосударственных административных институтов (1865–1891 гг.) [1; 5–6]. С принятием Степного положения начался период завершения формирования российской государственности в регионе. Выделение указанного этапа из истории Центральной Азии связано в первую очередь с изменением геополитического положения региона, с перенесением центра тяжести российской политики в Азии в новый стратегический центр, с укреплением общегражданского положения степных областей и завершением административной ассимиляции Внутренней орды.

После введения в действие высочайше утвержденного 25 марта 1891 года Положения об управлении в степных областях (далее Положение) был выявлен ряд проблем, возникших в процессе его реализации. Как отмечается в документах, «неуверенность и неустойчивость в распоряжениях, происходящие от незнакомства с новыми порядками» вызвали сложности со стороны уездной администрации, особенно в таких важных делах, как выборы должностных лиц и податная перепись [2; 5].

В связи с этим местные власти организовывали работу по эффективному внедрению Положения. 25 января 1894 года по распоряжению военного губернатора области был назначен съезд уездных начальников и сведущих лиц из казахов в г. Оренбурге для обсуждения в общем присутствии областного правления вопросов с целью объединения действий уездной власти по возложенным на нее новым Положением обязанностям, устранения затруднений и обмена практическими сведениями по управлению казахами. При этом отмечалось, как показал опыт, разъяснения затруднений по отдельным случаям не всегда достигали цели и необходимо предусмотреть случаи, требующие руководящих указаний, а также решить ряд вопросов по управлению областью, нуждающихся в неотложном решении с участием компетентных мнений со стороны представителей уездной власти.

Несмотря на значительное количество исследований, посвященных административной политике Российской империи в Казахской степи, вопросы практической реализации Степного положения 1891 г. на региональном уровне остаются недостаточно изученными. В современной историографии основное внимание уделяется разработке и содержанию имперских реформ, эволюции законодательства, а также общим направлениям трансформации системы местного управления. Вместе с тем значительно меньше исследованы механизмы внедрения новых административных институтов в отдельных областях, особенности их адаптации к местным условиям и практики взаимодействия между имперской администрацией и казахским обществом.

Особую актуальность данная проблема приобретает в контексте современных исследований новой имперской истории, ориентированных на изучение не только нормативных актов, но и повседневной практики функционирования государственных институтов на окраинах Российской империи. Такой подход позволяет проследить, каким образом решения центральной власти реализовывались в конкретных регионах, какие трудности возникали при их внедрении и каким образом местная администрация адаптировала имперские предписания к специфике степного общества.

Наиболее дискуссионным остается вопрос о характере трансформации института выборности волостных управителей после введения Степного положения 1891 г. Формально законодательство сохраняло принцип выборности должностных лиц, однако практика применения новых норм свидетельствовала о последовательном расширении административного вмешательства в избирательный процесс. До настоящего времени недостаточно исследованы конкретные механизмы усиления контроля со стороны уездной администрации, изменения порядка утверждения результатов

выборов, причины распространения практики назначения управителей без выборов, а также влияние данных процессов на функционирование волостного управления.

Научная проблема настоящего исследования заключается в выявлении противоречия между нормативно закрепленным принципом выборности органов местного управления и реальной административной практикой реализации Степного положения в Тургайской области. Решение данной проблемы позволяет определить степень трансформации традиционных элементов местного самоуправления под воздействием имперской административной политики.

Цель исследования — выявить особенности практической реализации Степного положения 1891 г. в Тургайской области и определить механизмы трансформации института выборности волостного управления в условиях усиления административного контроля со стороны имперской администрации.

Научная новизна исследования состоит в том, что впервые на основе протоколов Общего присутствия Тургайского областного правления 1894 г. комплексно реконструированы практические механизмы реализации Степного положения 1891 г. в Тургайской области. В работе показано, каким образом обсуждение результатов первых выборов способствовало формированию новых административных практик, направленных на усиление контроля над волостным управлением, унификацию избирательных процедур и ограничение самостоятельности местных органов управления.

Полученные результаты позволяют расширить представления о региональных особенностях реализации имперской административной политики в Казахской степи и дополняют современные исследования по истории колониального управления Российской империи материалами, раскрывающими взаимодействие центральной власти, областной администрации и местного казахского общества.

Материалы и методы

Источниковую основу исследования составили как неопубликованные архивные материалы, так и опубликованные документальные источники, позволяющие реконструировать процесс реализации Степного положения 1891 г. в Тургайской области и проследить особенности функционирования волостного управления в первые годы после введения нового административного законодательства.

Основным источником исследования являются протоколы Общего присутствия Тургайского областного правления, проходившего с 25 января по 12 февраля 1894 г., опубликованные отдельным изданием «Вопросы управления, хозяйства, суда и народного образования в Тургайской области...» (Оренбург, 1894) [2]. Данный источник содержит материалы обсуждения практических вопросов применения Степного положения, отражает позиции военного губернатора, областной администрации, уездных начальников и представителей казахского населения относительно организации местного управления, проведения выборов волостных управителей, порядка утверждения должностных лиц и устранения выявленных недостатков в реализации административной реформы.

Важное место в исследовании занимают документы фонда № 25 «Тургайское областное правление» Центрального государственного архива Республики Казахстан (ЦГА РК). Были использованы материалы, содержащие документы по организации выборов волостных управителей на трехлетие 1893–1895 гг., апелляционные жалобы участников выборов, переписку областной и уездной администрации, а также документы об утверждении результатов выборов и рассмотрении нарушений избирательного процесса. Эти материалы позволили сопоставить нормативные предписания с их практической реализацией и проследить особенности административного контроля за деятельностью органов волостного управления.

Методологическую основу исследования составили положения новой имперской истории, рассматривающей Российскую империю как сложное политическое пространство взаимодействия центральной власти и региональных административных структур. Данный подход позволил исследовать реализацию Степного положения не только как законодательную реформу, но и как процесс адаптации имперских институтов управления к особенностям казахского общества. В работе использован историко-сравнительный метод, позволивший сопоставить порядок организации волостного управления, установленный Временным положением 1868 г. и Степным положением 1891 г., выявить изменения в статусе волостных управителей, механизмах их избрания и административного контроля. Историко-генетический метод применялся для прослеживания

эволюции института волостного управления и выявления причин изменения избирательной практики в условиях административной унификации Казахской степи. С помощью институционального метода исследованы функции органов местного управления, распределение полномочий между волостными управителями, уездными начальниками и областной администрацией, а также механизмы взаимодействия различных уровней имперской власти при реализации административной реформы. Комплексное применение указанных методов обеспечило возможность всестороннего анализа практики реализации Степного положения 1891 г. в Тургайской области, выявления особенностей функционирования избирательной системы и оценки трансформации института волостного управления в условиях усиления административного контроля.

Результаты

Анализ материалов Общего присутствия Тургайского областного правления, заседания которого проходили с 25 января по 12 февраля 1894 г., позволяет реконструировать первые практические шаги по реализации Степного положения 1891 г. в Тургайской области. В течение двенадцати заседаний представители областной администрации, уездные начальники и приглашенные представители казахского населения обсуждали вопросы применения нового законодательства, организации местного управления и совершенствования административной практики [2].

Постоянный состав участников заседаний свидетельствует о стремлении областной администрации обеспечить комплексное рассмотрение вопросов управления. Наряду с военным губернатором, вице-губернатором, советниками и уездными начальниками в обсуждении принимали участие представители казахской служилой элиты — генерал-майор Мухамеджан Баймухамедов, чиновники особых поручений Дербисалы Беркимбаев и Бекмухаммед Карпыков, волостные управители и народные судьи. Привлечение так называемых «сведущих лиц» объяснялось их глубоким знанием местных условий и многолетним опытом административной службы.

Характеризуя роль приглашенных представителей, военный губернатор подчеркивал, что их участие необходимо для получения объективных мнений по вопросам, затрагивавшим интересы местного населения [2; 2]. Вместе с тем анализ материалов заседаний показывает, что участие представителей казахского общества носило преимущественно консультативный характер. Право принятия окончательных решений сохранялось за областной администрацией, что отражало общую тенденцию усиления централизации управления в степных областях.

Особого внимания заслуживает состав приглашенных представителей. В заседаниях участвовали государственные деятели, многие из которых принимали непосредственное участие в реализации административных реформ еще в период введения Временного положения 1868 г. Так, Дербисалы Беркимбаев входил в состав комиссии по введению административной реформы 1868 г. и длительное время занимал должности в системе Иргизского и Илецкого уездных управлений. Мухамеджан Баймухамедов характеризовался серьезным, твердым «вследствие уверенности и действительности своих распоряжений» [3; 126]. Бекмухаммед Карпыков обладал значительным опытом работы волостным управителем и пользовался высоким авторитетом среди местного населения [4; 302-303]. Их приглашение свидетельствует о стремлении администрации использовать практический опыт местных чиновников при обсуждении вопросов реализации нового законодательства.

Таким образом, персональный состав участников заседаний отражает характерную для конца XIX в. модель взаимодействия имперской администрации с казахской служилой элитой. Несмотря на привлечение представителей местного населения к обсуждению административных вопросов, процесс принятия решений оставался полностью интегрированным в вертикаль имперского управления, что соответствовало общей политике усиления государственного контроля над системой местного самоуправления.

Одним из центральных направлений работы Общего присутствия стало обсуждение вопросов совершенствования административного управления после введения Степного положения 1891 г. Анализ материалов заседаний показывает, что основные дискуссии концентрировались вокруг четырех взаимосвязанных проблем:

- подготовки подробной инструкции для волостных управителей и аульных старшин по реализации Степного положения;
- изменения структуры уездной администрации после упразднения должностей младших помощников уездных начальников и усиления контроля за деятельностью органов общественного управления;

- организации постоянных помещений для волостных правлений;
- сокращения объема делопроизводства и унификации служебной переписки.

Постановка именно этих вопросов свидетельствует, что к началу реализации Степного положения администрация столкнулась не столько с необходимостью изменения законодательной базы, сколько с практическими трудностями ее применения. Большинство обсуждавшихся проблем было связано с отсутствием единообразной административной практики, недостаточной регламентацией деятельности волостных управителей и необходимостью повышения эффективности управления на местах.

Наиболее подробно участники заседаний рассмотрели проект инструкции для волостных управителей. Его обсуждение показало, что первоначальный вариант документа содержал многочисленные ссылки на необходимость действовать «согласно закону» или «в установленном порядке», однако практически не раскрывал конкретных механизмов исполнения обязанностей. По мнению участников заседаний, подобная форма была недостаточной, поскольку большинство волостных управителей не имело возможности самостоятельно обращаться к полному Своду законов Российской империи.

В результате обсуждения было предложено максимально конкретизировать содержание инструкции, включив в нее подробное описание полномочий волостного управителя, порядка исполнения административных функций и алгоритмов взаимодействия с уездной администрацией. Анализ данного решения показывает, что областное правление стремилось создать не формальный нормативный документ, а практическое руководство по организации повседневной деятельности органов местного управления.

Следовательно, разработка инструкции являлась не только административной мерой по реализации Степного положения, но и важным инструментом унификации управленческой практики на территории Тургайской области. Детальная регламентация обязанностей волостных управителей свидетельствует о переходе от относительно гибкой модели местного управления к централизованной системе административного контроля, основанной на единых правилах функционирования органов власти.

Проблемы при организации и проведении съездов. Нарушения.

После рассмотрения организационных вопросов участники Общего присутствия перешли к анализу итогов первых выборов должностных лиц общественного управления, проведенных в 1893 г. в соответствии со Степным положением 1891 г. Обсуждение результатов выборов было обусловлено необходимостью выявления основных проблем применения нового законодательства и выработки единых административных мер по совершенствованию избирательной практики.

Особое внимание было уделено причинам возникновения партийной борьбы, многочисленных жалоб и повторных выборов. Как отмечалось в ходе заседания, накопленный опыт позволял определить административные меры, которые могли бы способствовать «уничтожению партий и споров в среде избирателей, устранению возможности подкупа и других неблагоприятных условий, вредно влияющих на дело» [2; 19]. Вместе с тем анализ материалов показывает, что областную администрацию интересовало не столько сохранение принципа выборности, сколько обеспечение управляемости избирательного процесса и снижение числа конфликтных ситуаций (Табл. 1).

Т а б л и ц а 1

Результаты выборов должностных лиц общественного управления в уездах Тургайской области по итогам выборов 1893 г.

№	Уезды	Из общего числа должностных лиц избраны			Назначено властью Военного губернатора по 70 ст. степ. пол. ож.	Число волостей, в которых выборы производились более одного раза	Общее число жалоб, принесенных на неправильность выборов	Число случаев отказа выборных от принятия шаров для баллотировки
		Единогласно, %	Большинством Не менее 2/3, %	Простым большинством голосов, %				
1	Николаевский	27	68	5	3	6	38	1
2	Тургайский	18	69	13	2	2	48	2
3	Актюбинский	20	65	15	1	-	21	-
4	Иргизский	12	66	22	-	4	47	-

Как видно из таблицы 1, результаты выборов существенно различались между уездами Тургайской области. Наиболее стабильная ситуация сложилась в Актюбинском и Николаевском уездах, где большинство должностных лиц было избрано квалифицированным большинством голосов, отсутствовали или были единичными случаи повторного проведения выборов, а количество жалоб оказалось значительно ниже по сравнению с другими уездами. В Актюбинском уезде выборы во всех волостях были проведены с первой попытки, не зафиксировано случаев отказа выборных лиц от участия в баллотировке, а число жалоб оказалось минимальным. Эти показатели свидетельствуют о более организованном проведении избирательной кампании и относительно высокой степени административной стабильности.

Иная ситуация наблюдалась в Тургайском и Иргизском уездах. Несмотря на сопоставимые показатели избрания должностных лиц большинством голосов, здесь фиксировалось большее количество повторных выборов и значительно больше жалоб на нарушения избирательного процесса. Это указывает на более высокий уровень конфликтности внутри волостей и наличие устойчивой партийной борьбы, осложнявшей реализацию нового порядка формирования органов местного управления.

Особый интерес представляет Николаевский уезд, который продемонстрировал наиболее высокий уровень поддержки избранных кандидатов: 27 % должностных лиц были избраны единогласно, а 68 % — большинством не менее двух третей голосов. Анализ архивных материалов показывает, что подобные результаты были связаны не только с внутренней ситуацией в уезде, но и с непосредственным участием представителя Областного правления в проведении выборов в наиболее конфликтных волостях. Благодаря административному сопровождению удалось предотвратить развитие острых противостояний между группировками, обеспечить проведение выборов с первой попытки и существенно сократить количество обоснованных жалоб.

Вместе с тем приведенные материалы позволяют сделать более широкий вывод. Улучшение результатов выборов достигалось не столько посредством развития механизмов местного самоуправления, сколько за счет усиления административного вмешательства в избирательный процесс. Присутствие представителей областной администрации постепенно становилось инструментом обеспечения политической стабильности и контроля за ходом выборов. Тем самым уже первые выборы по Степному положению 1891 г. продемонстрировали переход от относительно самостоятельной выборной практики к модели, в которой ключевую роль начинал играть административный надзор.

Таким образом, статистические данные, представленные в таблице 1, подтверждают, что реализация Степного положения сопровождалась не только унификацией избирательных процедур, но и постепенным усилением контроля со стороны имперской администрации. Выявленные различия между уездами свидетельствуют о том, что эффективность проведения выборов во многом зависела от степени вовлеченности органов областной власти в организацию и сопровождение избирательного процесса, что стало одной из характерных особенностей административной политики Российской империи в Тургайской области в конце XIX века.

После рассмотрения общих итогов выборов участники заседания перешли к анализу поступивших жалоб, позволявших выявить основные недостатки практической реализации Степного положения 1891 г. Анализ материалов показывает, что большинство обращений касалось не отдельных нарушений, а системных проблем организации избирательного процесса.

В ходе обсуждения были выделены три наиболее распространенные группы нарушений. Во-первых, отмечалось, что при разделении населения на соперничающие партии или родовые группы представители меньшинства фактически утрачивали возможность участвовать в формировании органов волостного управления и представлять свои интересы на волостных съездах. Во-вторых, проведение аульных и волостных выборов в одном месте создавало значительные трудности для большинства избирателей, вынужденных преодолевать большие расстояния и нести дополнительные расходы. Подобная практика облегчала воздействие на участников выборов и создавала благоприятные условия для подкупа. В-третьих, неоднократно указывалось на отсутствие беспристрастности со стороны чиновников, присутствовавших при выборах, которые поддерживали отдельных кандидатов и препятствовали избранию других вопреки воле большинства избирателей [2; 20].

Представленные материалы свидетельствуют, что уже первые выборы по Степному положению выявили противоречие между нормативно закрепленными принципами выборности и практикой их

реализации. Формально сохранявшаяся выборная система все чаще зависела от действий представителей уездной администрации, обладавших широкими полномочиями по организации и контролю избирательного процесса.

Особый интерес представляет апелляция жалоба жителей Каракугинской волости Тургайского уезда, направленная военному губернатору 17 июля 1893 г. В документе содержались обвинения в адрес уездного начальника, который, по мнению заявителей, заранее определил желательного кандидата на должность волостного управителя, ограничил участие части кибитковладельцев в голосовании, допустил нарушение порядка формирования списков избирателей и проигнорировал протесты действующего волостного управителя. Кроме того, жалобщики сообщали о применении физического насилия в отношении представителей одной из противоборствующих партий и об отказе администрации рассматривать поданные обращения [5; 130-131].

Следует отметить, что данный документ представляет ценность не как свидетельство отдельного конфликта, а как отражение типичных механизмов функционирования избирательной системы в первые годы после введения Степного положения. Анализ содержания жалобы позволяет выделить несколько характерных практик административного вмешательства: корректировку списков избирателей, поддержку отдельных кандидатов, игнорирование поступавших жалоб и использование административного ресурса при определении итогов выборов. Подобные нарушения существенно снижали доверие населения к институту выборности и усиливали зависимость местного самоуправления от решений уездной администрации.

Не менее показательно, что обсуждение подобных обращений стало предметом специального рассмотрения Общего присутствия Тургайского областного правления. Это свидетельствует о том, что областные власти рассматривали выявленные нарушения не как единичные случаи, а как системную проблему, требовавшую административного вмешательства и совершенствования механизма проведения выборов.

По итогам обсуждения уездные начальники представили собственные предложения по снижению конфликтности избирательного процесса. Анализ их выступлений показывает, что предлагаемые меры были направлены прежде всего на усиление административного контроля за выборами. Так, начальник Тургайского уезда считал эффективным применение статьи 70 Степного положения, предусматривавшей назначение волостных управителей без проведения выборов в наиболее конфликтных волостях. По его мнению, назначение должностных лиц из других волостей позволяло избежать победы одной из противоборствующих партий и снизить уровень внутриволостных противоречий [2; 21].

Начальник Иргизского уезда связывал снижение числа нарушений с сокращением времени между аульными и волостными выборами, полагая, что быстрое проведение избирательной кампании ограничит возможности для подкупа избирателей и искусственного формирования большинства. В свою очередь начальник Актюбинского уезда подчеркивал значение постоянного личного присутствия представителей администрации непосредственно в аулах. По его мнению, именно систематический объезд волостей и непосредственный контроль за проведением выборов обеспечивали наиболее благоприятные результаты, что подтверждалось сравнительно спокойным ходом выборов в Актюбинском и Николаевском уездах [2; 21].

Таким образом, анализ предложений уездных начальников показывает, что решение выявленных проблем связывалось не с расширением самостоятельности органов местного управления, а с дальнейшим усилением административного присутствия государства на всех этапах избирательного процесса. Практически все предлагаемые меры предполагали увеличение роли представителей имперской администрации при организации и контроле выборов.

Примечательно, что аналогичной позиции в целом придерживались и приглашенные на заседание представители казахской служилой элиты. Признавая сохранение партийной борьбы и стремление отдельных групп добиться выборных должностей любыми средствами, они допускали возможность применения статьи 70 Степного положения* как исключительной меры в наиболее конфликтных волостях. Вместе с тем они подчеркивали, что назначение должностных лиц без

* 70 статья Степного Положения 1891 г.: Военному Губернатору предоставляется утвердить или не утвердить выборы. В последнем случае Губернатор либо назначает новые выборы, либо замещает должности волостного управителя и кандидата к нему по собственному усмотрению

выборов может использоваться лишь тогда, когда другие способы урегулирования противоречий оказываются неэффективными [2; 21].

Особую позицию занял советник Областного правления И.И. Крафт, который связывал причины конфликтов не только с соперничеством местных групп, но и с недостаточным знанием представителями администрации особенностей казахского общества. По его мнению, эффективность управления зависела от способности чиновников понимать местную социальную структуру, причины возникновения партийных противоречий и использовать эти знания для достижения согласия между конфликтующими сторонами [2; 22].

Анализ материалов заседания позволяет сделать вывод, что обсуждение нарушений избирательного процесса привело к формированию новой модели административной практики. Если первоначально выборность рассматривалась как основной принцип организации местного управления, то уже после первых выборов 1893 г. приоритет постепенно смещался в сторону усиления административного надзора, расширения полномочий уездных начальников и более активного вмешательства государства в регулирование избирательного процесса. Именно эта тенденция стала одной из наиболее характерных особенностей реализации Степного положения 1891 г. в Тургайской области.

Одним из ключевых вопросов, рассмотренных на заседаниях Общего присутствия, стало обсуждение роли выборных в системе волостного управления. Анализ материалов показывает, что областная администрация связывала эффективность функционирования органов общественного управления не только с совершенствованием избирательных процедур, но и с качественным составом лиц, представлявших интересы населения на волостных съездах.

Вместе с тем обсуждение выявило серьезные проблемы формирования корпуса выборных. Несмотря на неоднократные разъяснения администрации о важной роли выборных в решении общественных и хозяйственных вопросов, на практике к исполнению этих обязанностей нередко привлекались лица, не пользовавшиеся достаточным авторитетом среди населения. По мнению участников заседания, подобная ситуация существенно снижала эффективность деятельности органов местного управления и усложняла реализацию положений административной реформы.

Особое внимание было уделено причинам, по которым наиболее авторитетные представители казахского общества уклонялись от исполнения обязанностей выборных. Материалы заседаний свидетельствуют, что это объяснялось прежде всего особенностями существовавшей избирательной системы. Статус выборного воспринимался как менее престижный по сравнению с должностями волостного управителя или аульного старшины, а участие в составе многочисленного корпуса выборных не соответствовало социальному положению влиятельных представителей степной элиты. В результате выборные должности нередко занимали лица, стремившиеся использовать свое положение в личных интересах, что отрицательно сказывалось на авторитете органов общественного управления [2; 23].

Анализ обсуждения показывает, что областное правление рассматривало данную проблему не как следствие недостатков отдельных участников выборов, а как один из системных факторов, препятствовавших эффективному функционированию местного управления. Тем самым внимание администрации постепенно смещалось с соблюдения формальных процедур выборности на обеспечение управленческой эффективности и административной стабильности.

Наиболее дискуссионным вопросом стало предложение представителей казахской служилой элиты отказаться от выборности волостных управителей и вновь перейти к практике назначения должностных лиц администрацией, существовавшей до реформы 1868 г. Свое предложение они мотивировали тем, что избирательная борьба сопровождается постоянными конфликтами, усиливает внутриволостные противоречия и оказывает негативное влияние на общественную жизнь. По их мнению, соперничество за выборные должности приводило к распространению подкупа, угроз, насилия, ложных доносов и иных злоупотреблений, которые сохранялись и после завершения выборов, провоцируя длительные конфликты между различными группами населения: «возводятся различные обвинения, большею частью вымышленные; присутственные места и должностные лица забрасываются доносами о преступлениях, совершенных в отдаленнейшие времена» [2; 23].

Вместе с тем материалы заседаний позволяют сделать более глубокий вывод. Для администрации главной проблемой являлись не сами нарушения избирательного процесса, а их последствия для обеспечения общественного порядка и устойчивости местного управления. Избирательные кампании рассматривались как источник социальной напряженности, усложнявший

деятельность органов власти и увеличивавший объем административного делопроизводства вследствие многочисленных жалоб, судебных разбирательств и взаимных обвинений.

Несмотря на признание обоснованности доводов представителей местного населения, Общее присутствие не поддержало предложение об отказе от выборности как общего принципа формирования органов волостного управления. Это объяснялось тем, что Степное положение 1891 г. предусматривало назначение должностных лиц администрацией лишь в исключительных случаях. Следовательно, областное правление стремилось не отказаться от действующей модели, а повысить эффективность ее функционирования посредством усиления административного контроля за проведением выборов.

В качестве основных направлений совершенствования избирательной практики были определены меры, направленные на повышение роли уездной администрации. Уездным начальникам рекомендовалось лично присутствовать не только на волостных, но и на аульных выборах, заранее изучать причины возможных конфликтов, учитывать родоплеменные отношения при организации выборов, содействовать урегулированию споров до начала голосования и обеспечивать беспристрастное проведение избирательной кампании. Кроме того, предлагалось заранее информировать население о сроках выборов и предоставлять местным обществам возможность самостоятельно определять наиболее удобные места проведения собраний.

Особое внимание уделялось повышению статуса института выборных. Администрация рекомендовала разъяснять населению значимость данной категории должностных лиц и подчеркивала, что исполнение обязанностей выборного не ограничивает возможность последующего избрания на другие общественные должности. Данная мера была направлена на привлечение к участию в работе органов местного управления наиболее авторитетных представителей казахского общества.

Таким образом, анализ материалов заседаний показывает, что обсуждение вопросов, связанных с деятельностью выборных, отражало более глубокую трансформацию административной политики Российской империи в степных областях. Если первоначально реформа предполагала сочетание элементов выборности и местного самоуправления, то уже первые годы реализации Степного положения продемонстрировали стремление администрации компенсировать недостатки избирательной системы посредством расширения собственного участия в организации выборов. Это свидетельствует о постепенном переходе к модели управления, в которой формальное сохранение выборных институтов сопровождалось последовательным усилением административного контроля над их функционированием.

Еще одним важным вопросом, рассмотренным на заседаниях Общего присутствия, стало определение критериев допуска кандидатов к выборным должностям. Анализ архивных материалов показывает, что уже в ходе первых выборов по Степному положению 1891 г. администрация столкнулась с отсутствием единого порядка проверки сведений о судимости кандидатов, что существенно осложняло процедуру их утверждения.

Согласно действовавшим требованиям, на выборные должности могли утверждаться только лица, не имевшие судимости и не находившиеся под следствием. Однако материалы заседаний свидетельствуют, что в ходе выборов 1893 г. было выявлено одиннадцать случаев избрания волостных управителей, кандидатов к ним и народных судей из числа лиц, ранее подвергавшихся судебному преследованию. Кроме того, в областное правление поступило значительное количество обращений, содержащих сведения о судимости уже избранных должностных лиц [2; 26].

Характерным примером является рапорт Иргизского уездного начальника, в котором сообщалось, что один из кандидатов на должность волостного управителя Темирастауской волости находился под следствием по обвинению в вооруженном нападении и злоупотреблении служебным положением: «из предъявленных кандидатов Карпык Туслев находится под следствием по делу о вооруженном нападении на жителя Чингелской волости Тулсубаева» [5; 130-131]. Вместе с тем подобные случаи не носили исключительного характера, а отражали общую проблему отсутствия достоверной информации о правовом статусе кандидатов при проведении выборов.

Анализ обсуждения показывает, что основная сложность заключалась не только в наличии лиц с судимостью среди кандидатов, но и в несовершенстве системы учета судебных решений. Сведения о привлечении казахов к ответственности были рассредоточены между народными судами, мировыми судебными учреждениями, судебными следователями, уездными канцеляриями и областным

правлением, что существенно затрудняло их проверку и создавало возможности для злоупотреблений.

Особое место в дискуссии занял вопрос о правовом значении решений народного суда. Часть участников заседания полагала, что основанием для ограничения пассивного избирательного права должны служить лишь наказания, предусмотренные общеимперским законодательством. Такая позиция объяснялась тем, что в условиях острой избирательной борьбы решения народных судов могли использоваться как средство устранения политических конкурентов. Вместе с тем другие участники обсуждения обращали внимание на то, что именно народным судам были подсудны многие тяжкие преступления, а потому полное игнорирование их решений могло привести к избранию на общественные должности лиц, совершивших серьезные правонарушения. Так, например, за повреждение по неосторожности в борьбе какого-либо важного органа у человека виновный, по народному обычаю, должен заплатить в виде штрафа четверть куна, т.е. 250 руб., а потому лишится права на избрание в должности, хотя по общим законам за это не положено никаких взысканий. В то же время виновный в краже одной лошади должен, по народному обычаю, возратить похищенное и уплатить в виде штрафа «косаку» — 10 руб. и «теркеу» — 10 руб., всего двадцать рублей, что не лишает его права на занятие общественных должностей [2; 26-27].

Данная дискуссия отражает более глубокое противоречие между традиционной системой казахского судопроизводства и требованиями имперского административного законодательства. Областное правление стремилось выработать единые критерии оценки судимости кандидатов, одновременно минимизировав возможность использования судебных решений в качестве инструмента политической борьбы.

По итогам обсуждения были приняты меры, направленные на институционализацию контроля за избирательным процессом. Общее присутствие постановило не допускать к избранию на должности аульных старшин, волостных управителей и народных судей лиц, подвергавшихся наказаниям, превышавшим пределы, установленные Степным положением, независимо от того, были ли они назначены общими судебными учреждениями или народным судом. Одновременно уездным начальникам предписывалось создать в канцеляриях алфавитные списки судимости жителей, а волостных управителей обязать вносить сведения о судимости и нахождении под следствием в посемейные списки населения под личную ответственность за полноту учета [2; 27].

Принятые решения свидетельствуют, что администрация стремилась перейти от эпизодической проверки кандидатов к созданию постоянно действующей системы учета, позволявшей оперативно контролировать соответствие избираемых лиц установленным требованиям. Фактически речь шла о формировании одного из первых элементов административной информационной системы, обеспечивавшей кадровый контроль на уровне волостного управления.

Заключительным результатом работы Общего присутствия стала унификация документационного обеспечения выборов. Проанализировав опыт проведения избирательной кампании 1893 г., участники заседаний признали наиболее эффективными формы приговоров и иных административных документов, разработанные при участии советника областного правления И.И. Крафта, и рекомендовали использовать их во всех уездах Тургайской области.

Таким образом, материалы заседаний Общего присутствия показывают, что реализация Степного положения 1891 г. сопровождалась не только совершенствованием избирательных процедур, но и последовательным формированием административных механизмов контроля за деятельностью органов местного управления. Создание единых правил проверки кандидатов, организация систематического учета судимости и унификация делопроизводства свидетельствуют о переходе к более централизованной модели управления, в которой эффективность функционирования выборных институтов обеспечивалась прежде всего средствами административного регулирования, а не развитием принципов местного самоуправления.

Обсуждение

Проведенное исследование позволяет существенно уточнить существующие представления о механизмах реализации административной реформы 1891 г. в Тургайской области. Если в большинстве исследований основное внимание уделяется нормативно-правовым основам организации волостного управления, то анализ архивных материалов показывает, каким образом положения Степного положения 1891 г. реализовывались в повседневной административной практике и какие проблемы возникали при их практическом применении.

Исследования российских авторов (Г. Бакиевой [6], М. Гордеевой [7], Т. Залюбовской [8], Д.А. Мухина [9], Ю. Карпинец [10]) посвящены главным образом организации сельского и волостного управления в различных регионах Российской империи. Авторы подробно рассматривают компетенцию сельских старост, писарей, сборщиков податей и других должностных лиц, анализируют структуру органов местного самоуправления и их место в административной системе государства. Полученные в настоящем исследовании результаты в целом подтверждают вывод о постепенном усилении административного регулирования деятельности органов местного управления. Вместе с тем материалы Тургайского областного правления позволяют дополнить существующие представления, показывая, что в условиях Казахской степи административный контроль распространялся не только на деятельность уже избранных должностных лиц, но и на сам механизм формирования выборных органов посредством регламентации процедур выборов, проверки кандидатов, унификации документации и усиления контроля со стороны уездной администрации.

В казахстанской историографии вопросы организации волостного управления и проведения волостных съездов получили освещение в исследованиях Т.Т. Далаевой [11], а особенности функционирования института волостных управителей рассмотрены в монографии «Институт волостных в системе управления Казахской степью (XIX — начало XX вв.)» [12]. Эти исследования убедительно раскрывают институциональную эволюцию органов местного управления и их место в системе имперской администрации. Однако они в значительно меньшей степени затрагивают практические механизмы реализации реформы 1891 г. Материалы Общего присутствия Тургайского областного правления позволяют восполнить этот пробел, поскольку фиксируют не только содержание нормативных требований, но и процесс их обсуждения, выявленные административные проблемы и конкретные способы их решения.

Полученные результаты также соотносятся с выводами Д.В. Васильева [13-14], Г.А. Избасаровой [15] и других исследователей, рассматривавших административную политику Российской империи в Казахской степи через призму адаптивности имперских институтов. Авторы справедливо отмечают, что устойчивость имперской системы управления обеспечивалась сочетанием централизованных принципов управления и учета региональной специфики. Настоящее исследование подтверждает данный вывод, однако позволяет конкретизировать механизмы такой адаптации на уровне областного управления. Архивные документы свидетельствуют, что администрация не ограничивалась механическим исполнением законодательных предписаний, а стремилась корректировать практику их применения с учетом особенностей социальной организации казахского общества, родовой структуры населения и конфликтного характера избирательного процесса.

Анализ протоколов заседаний позволил реконструировать механизмы принятия административных решений, выявить основные проблемы проведения первых выборов по новому законодательству, показать практику применения статьи 70 Степного положения, а также проследить процесс формирования единых административных процедур контроля за выборами, проверки кандидатов и унификации делопроизводства.

Полученные результаты позволяют сделать вывод, что административная политика Российской империи в Тургайской области была направлена не на ограничение выборных институтов как таковых, а на последовательное усиление государственного контроля над их функционированием. Именно административный надзор, унификация процедур и расширение полномочий уездной администрации рассматривались как основные инструменты обеспечения стабильности местного управления в условиях сохранявшейся социальной и родовой конфликтности.

Перспективы дальнейших исследований связаны со сравнительным анализом практики реализации Степного положения 1891 г. в Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской и Уральской областях, а также с изучением трансформации механизмов взаимодействия имперской администрации и органов казахского местного управления в начале XX в. Такой сравнительный подход позволит более полно оценить степень унификации административной политики Российской империи и выявить региональные особенности ее реализации.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить особенности практической реализации Степного положения 1891 г. в Тургайской области на основе анализа ранее не введенных в научный оборот материалов Общего присутствия Тургайского областного правления за 1894 г. В отличие от нормативных источников, отражающих законодательные основы реформы, протоколы заседаний

позволяют проследить механизмы адаптации имперского законодательства к условиям Казахской степи и выявить реальные проблемы, возникавшие при организации местного управления.

Установлено, что первые выборы должностных лиц общественного управления, проведенные в 1893 г. по новым правилам, выявили существенные противоречия между нормативной моделью выборности и практикой ее реализации. Наиболее острыми проблемами стали партийная борьба внутри волостей, вмешательство представителей администрации в избирательный процесс, многочисленные жалобы на нарушения выборных процедур, отсутствие единых критериев проверки кандидатов и недостаточная регламентация деятельности органов волостного управления.

Анализ материалов заседаний показывает, что реакцией областной администрации стало последовательное усиление административного регулирования избирательного процесса. Были разработаны рекомендации по организации выборов, конкретизированы полномочия волостных управителей, введены единые требования к проверке судимости кандидатов, предложена система централизованного учета сведений о лицах, привлекавшихся к судебной ответственности, а также унифицированы формы избирательной документации. Эти меры свидетельствуют о переходе от решения отдельных организационных вопросов к формированию устойчивых административных механизмов контроля за функционированием органов местного управления.

Важным результатом исследования является установление роли казахской служилой элиты в обсуждении административных преобразований. Несмотря на участие представителей местного населения в работе Общего присутствия и использование их практического опыта при обсуждении вопросов управления, их участие носило преимущественно консультативный характер. Окончательные решения принимались областной администрацией, что свидетельствует о сохранении централизованной модели управления при использовании местных адаптационных практик.

Таким образом, результаты исследования позволяют уточнить представления о характере административной политики Российской империи в Казахской степи конца XIX в. Реализация Степного положения 1891 г. сопровождалась не только институциональным реформированием системы местного управления, но и формированием новых механизмов административного контроля, обеспечивавших интеграцию волостного управления в единую систему имперской бюрократии. Полученные результаты расширяют современные представления о региональных особенностях функционирования колониальной администрации и создают основу для дальнейших сравнительных исследований административной практики в других степных областях Российской империи.

Список литературы

- 1 Васильев Д.В. Бремя империи. Административная политика России в Центральной Азии. Вторая половина XIX в. / Д.В. Васильев. — М.: Политическая энциклопедия, 2018. — 638 с.
- 2 Вопросы управления, хозяйства, суда и народного образования в Тургайской области, разрешенные в Общем Присутствии Тургайского Областного Правления с участием уездных начальников и сведущих лиц из киргизов в заседаниях с 25 января по 12 февраля 1894 г. — Оренбург, Типография И. Жаринова. 1894. — 155 с.
- 3 История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков: [в 8 т.] / под ред. И.В. Ерофеевой. — Алматы: «Дайк-Пресс», 2006. — Т. 8. — 959 с.
- 4 Оренбургские епархиальные ведомости. — 1894. — № 9.
- 5 Центральный государственный архив Республики Казахстан (далее — ЦГА РК). — Ф. 25. — Оп. 1. — Д. 483а.
- 6 Бакиева Г. Волостное управление у сибирских татар во второй половине XIX — начале XX в. / Г. Бакиева // Вестник археологии, антропологии и этнографии. — 2010. — № 1. — С. 156–164.
- 7 Гордеева М. Волостной сход в системе местного крестьянского самоуправления Томской губернии в начале XX в. / М. Гордеева // Вестник Томского государственного университета. История. — 2018. — № 51. — С. 21–28.
- 8 Залюбавская Т. Деятельность волостных сходов в Забайкалье в конце XIX — начале XX века / Т. Залюбавская // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. — 2014. — № 1. — С. 14–18.
- 9 Мухин Д.А. Практика проведения сходов крестьянами Вологодской губернии / Д.А. Мухин // Антропологический форум. — 2012. — № 17. — С. 154–174.
- 10 Карпинец Ю. Сельская администрация Кузбасского региона к концу XIX в. / Ю. Карпинец // Вестник Кемеровского государственного университета. — 2019. — Т. 21, № 2. — С. 321–326.
- 11 Далаева Т.Т. Волостные съезды в Степном крае (кон. XIX — нач. XX вв.): практика проведения, участники и основные решения / Т.Т. Далаева // Вестник Казахского национального педагогического университета имени Абая. Серия «Исторические и социально-политические науки» — 2016. — № 3 (50). — С. 32–40.

12 Институт волостных в системе управления Казахской степью (XIX — начало XX вв.): монография в документах / отв. ред. Г.С. Султангалиева; сост.: Г.С. Султангалиева, Т.Т. Далаева, Б.У. Маликов, У. Тулешова. — Алматы: «Қазақ университеті», 2018. — 396 с.

13 Васильев Д.В. Поступь империи: Политика России в Центральной Азии: XIX — начало XX в. / Д.В. Васильев. — М.: СПб.: Нестор-История, 2022. — 636 с.

14 Васильев Д.В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII — первая половина XIX века / Д.В. Васильев. — М.: Политическая энциклопедия, 2014. — 470 с.

15 Избасарова Г.Б. Казахская степь Оренбургского ведомства в региональной политике Российской империи в XIX в. / Г.Б. Избасарова // Вестник Томского государственного университета. — 2018. — № 427. — С. 118–124.

References

1 Vasilev, D.V. (2018). *Bremia imperii. Administrativnaia politika Rossii v Tsentralnoi Azii. Vtoraia polovina XIX v.* [The Burden of Empire. Russia's Administrative Policy in Central Asia. The Second Half of the 19th Century]. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia [in Russian].

2 (1894). *Voprosy upravleniia, khoziaistva, suda i narodnogo obrazovaniia v Turgaiskoi oblasti, razreshennye v Obshchem Prisutstvii Turgaiskogo Oblastnogo Pravleniia s uchastiem uездnykh nachalnikov i svedushchikh lits iz kirgizov v zasedaniakh s 25 yanvaria po 12 fevralia 1894 g* [Issues of Administration, Economy, Court, and Public Education in the Turgai Region, Resolved at the General Assembly of the Turgai Regional Government with the Participation of District Heads and Knowledgeable Kyrgyz Persons at Meetings from January 25 to February 12, 1894]. Orenburg: Tipografiia I. Zharinova [in Russian].

3 Erofeeva, I.V. (Ed.). (2006). *Istoriia Kazakhstana v russkikh istochnikakh XVI-XX vekov* [History of Kazakhstan in Russian Sources of the 16th-20th Centuries]. Vols. 1-8. Vol. 8. Almaty: «Daik-Press» [in Russian].

4 (1894). *Orenburgskie eparkhialnye vedomosti — Orenburg Diocesan Gazette*, 9 [in Russian].

5 TsGA RK [Central State Archive of the Republic of Kazakhstan]. — F. 25. — Op. 1. — D. 483a [in Russian].

6 Bakieva, G. (2010). Volostnoe upravlenie u sibirskikh tatar vo vtoroi polovine XIX — nachale XX v. [Volost administration among the Siberian Tatars in the second half of the 19th — early 20th centuries]. *Vestnik arkheologii, antropologii i etnografii — Bulletin of Archeology, Anthropology and Ethnography*, 1, 156–164 [in Russian].

7 Gordeeva, M. (2018). Volostnoi skhod v sisteme mestnogo krestianskogo samoupravleniia Tomskoi gubernii v nachale XX v. [Volost gathering in the system of local peasant self-government in Tomsk province at the beginning of the 20th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriia — Bulletin of Tomsk State University. History*, 51, 21–28 [in Russian].

8 Zaliubavskaiia, T. (2014). Deiatelnost volostnykh skhodov v Zabaikale v kontse XIX nachale XX veka [Activities of volost gatherings in Transbaikalia in the late 19th — early 20th centuries]. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federalnogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsialnye nauki — Bulletin of the Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanities and Social Sciences*, 1, 14–18 [in Russian].

9 Mukhin, D.A. (2012). Praktika provedeniia skhodov krestianami Vologodskoi gubernii [Practice of holding gatherings by peasants of the Vologda province]. *Antropologicheskii forum — Anthropological forum*, 17, 154–174 [in Russian].

10 Karpinets, Yu. (2019). Selskaia administratsiia Kuzbasskogo regiona k kontsu XIX v. [Rural administration of the Kuzbass region by the end of the 19th century]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of the Kemerovo State University*, 21, 2, 321–326 [in Russian].

11 Dalaeva, T.T. (2016). Volostnye siezdy v Stepnom krae (kon. XIX — nach. XX vv.): praktika provedeniia, uchastniki i osnovnye resheniia [Volost congresses in the Steppe region (late 19th — early 20th centuries): practice of holding, participants, and main decisions]. *Vestnik Kazakhskogo natsionalnogo pedagogicheskogo universiteta imeni Abai. Seriya «Istoricheskie i sotsialno-politicheskie nauki» — Bulletin of the Kazakh National Pedagogical University named after Abai. Series «Historical and Socio-Political Sciences»*, 3 (50), 32–40 [in Russian].

12 Sultangalieva, G.S. (Ed.). (2018). *Institut volostnykh v sisteme upravleniia Kazakhskoi stepiu (XIX — nachalo XX vv.): monografiia v dokumentakh* [The Institute of Volost Governors in the Kazakh Steppe Management System (19th — early 20th centuries): A monograph in documents]. Almaty: «Qazaq universiteti» [in Russian].

13 Vasilev, D.V. (2022). *Postup imperii: Politika Rossii v Tsentralnoi Azii: XIX — nachalo XX v.* [The Advance of Empire: Russia's Policy in Central Asia: 19th — Early 20th Century]. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia [in Russian].

14 Vasilev, D.V. (2014). *Rossii i Kazakhskaiia step: administrativnaia politika i status okrainy. XVIII — pervaiia polovina XIX veka* [Russia and the Kazakh Steppe: Administrative Policy and the Status of the Outskirts. 18th — First Half of the 19th Century]. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia [in Russian].

15 Izbasarova, G.B. (2018). Kazakhskaiia step Orenburgskogo vedomstva v regionalnoi politike Rossiiskoi imperii v XIX v. [The Kazakh steppe of the Orenburg department in the regional policy of the Russian Empire in the 19th century]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta — Bulletin of Tomsk State University*, 427, 118–124 [in Russian].

Сведения об авторах

Майсара Ж. Бекмагамбетова (*автор-корреспондент*) — кандидат исторических наук, профессор кафедры истории Казахстана, Костанайский региональный университет имени А. Байтурсынулы, Костанай, Казахстан, e-mail: maisara75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0973-3334>

Руслан К. Бекмагамбетов — кандидат исторических наук, ассоциированный профессор кафедры истории Казахстана, Костанайский региональный университет имени А. Байтурсынулы, Костанай, Казахстан, e-mail: ruslan69_07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4189-5766>

Гаухар З. Балгабаева — кандидат исторических наук, ассоциированный профессор кафедры истории Казахстана, Костанайский региональный университет имени А. Байтурсынулы, Костанай, Казахстан, e-mail: balgabaeva.gauhar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0146-8126>

Авторлар туралы мәліметтер

Майсара Ж. Бекмагамбетова (*хат-хабарға жауапты автор*) — тарих ғылымдарының кандидаты, Қазақстан тарихы кафедрасының профессоры, А. Байтұрсынұлы атындағы Қостанай өңірлік университеті, Қостанай, Қазақстан, e-mail: maisara75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0973-3334>

Руслан К. Бекмагамбетов — тарих ғылымдарының кандидаты, Қазақстан тарихы кафедрасының қауымдастырылған профессоры, А. Байтұрсынұлы атындағы Қостанай өңірлік университеті, Қостанай, Қазақстан, e-mail: ruslan69_07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4189-5766>

Гаухар З. Балгабаева — тарих ғылымдарының кандидаты, Қазақстан тарихы кафедрасының қауымдастырылған профессоры, А. Байтұрсынұлы атындағы Қостанай өңірлік университеті, Қостанай, Қазақстан, e-mail: balgabaeva.gauhar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0146-8126>

Author Information

Maisara Zh. Bekmagambetova (*corresponding author*) — Candidate of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Kazakhstan, A. Baytursynuly Kostanay Regional University, Kostanay, Kazakhstan, e-mail: maisara75@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0973-3334>

Ruslan K. Bekmagambetov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Kazakhstan, A. Baytursynuly Kostanay Regional University, Kostanay, Kazakhstan, e-mail: ruslan69_07@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-4189-5766>

Gaukhar Z. Balgabayeva — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Kazakhstan, A. Baytursynuly Kostanay Regional University, Kostanay, Kazakhstan, e-mail: balgabaeva.gauhar@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0146-8126>

Conflicts of Interest. The authors declare no conflict of interest / **Конфликт интересов.** Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов / **Мүдделер қақтығысы.** Авторлар мүдделер қақтығысының жоқ екенін мәлімдейді.